

Владимир Мау: политическое и экономическое будущее России

РИА Новости

4 октября 2011 года

Неспокойная обстановка на мировых финансовых рынках и яркие политические события в России за последнее время дают повод задуматься о том, каково политическое и экономическое будущее нашей страны. Как сегодняшняя финансово-экономическая ситуация в мире повлияет на экономику РФ? Стоит ли беспокоиться по поводу курса российского рубля? Какие меры позволят укрепить экономику России? Есть ли вероятность повторения финансового кризиса 2008 года, и какие страны находятся в группе риска? На эти и другие вопросы ответил ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, руководитель Экспертной группы "Новая модель экономического роста. Обеспечение макроэкономической и социальной стабильности" по обновлению концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года Владимир МАУ.

Вступительное слово Владимира Мау: Добрый день, дорогие друзья. Я хочу поблагодарить "РИА Новости" за приглашение провести эту конференцию. Наше сотрудничество с "РИА Новости" длительное, особенно интенсифицировавшееся за последний год после поручения главы Правительства Высшей школе экономики и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России о разработке контуров стратегии развития России до 2020 года "Стратегия 2020". Я надеюсь, что сегодня мы сможем обсудить как перспективные вопросы социально-экономического развития страны, так и текущие проблемы, связанные с глобальным экономическим кризисом. Кризисом, который будучи временем очень сложным для людей и правительств, создает очень интересные вызовы для экономистов, которым есть что обсудить и есть что анализировать.

Антон , Москва:

Курс российского рубля в очередной раз пугает. Стоит ли беспокоиться за вклады в национальной валюте? Когда возможна стабилизация курса?

Владимир Мау :

Относительно последнего вопроса – все мы хотели бы это знать, когда наступит стабилизация курса. Вопрос очень правильный, хотя и удивляющий своей такой постоянной непосредственностью. У меня такое впечатление, что валютой как образованием недовольны все, что бы там не происходило. Мы помним и знаем, что когда рубль укреплялся, были постоянные крики относительно того, что это ужасно, остановите и опустите курс. Когда же курс начинает падать и с точки зрения предыдущей логики создаются благоприятные условия для экономического роста, для потребителя, то начинаются крики – катастрофа! Рубль падает! Экономика слабеет. В общем, слабый и крепкий рубль имеет свои преимущества и свои недостатки. Ни то, ни другое не является признаком национальной катастрофы, если речь идет об изменении на проценты, а не в разы. И в этом смысле ослабление рубля в условиях кризиса является, скорее, позитивной тенденцией, упрощающей решение задач поддержания экономического роста. Я хочу напомнить, что ключевые проблемы Греции, точнее сложность решения ключевых проблем Греции связана с невозможностью девальвировать национальную валюту. У нас бы не было греческого кризиса в том виде, как он есть сейчас, влияющего на мировую конъюнктуру, если бы Греция не была в зоне евро, использовала бы национальную валюту и девальвировала бы ее в нынешней ситуации. Таким образом, колебания рубля не только не катастрофичны, но и не опасны. При определенных условиях снижение рубля может быть полезно. Еще один фактор, причины такой динамики рубля в значительной мере связаны с тем, что за последние три года Центральный банк перешел к политике плавающего курса и таргетирования инфляции. То есть денежные власти сейчас ориентированы прежде всего на стабилизацию цен, а не на стабилизацию курса. Это очень правильная политика. Поскольку с точки зрения задач инвестиционного роста, не краткосрочного конъюнктурного роста, а роста, основанного на инвестициях, нам нужны низкие процентные ставки по кредитам, а они требуют низкой инфляции. Больше того, я бы сказал, что гибкая валютная политика Центробанка является важнейшим национальным завоеванием нашей страны за последние годы. Многие экономисты и политики в начале кризиса говорили, что глупо кризисом не воспользоваться, что кризисом надо воспользоваться для обновления национальной экономики. Пока это, правда, не удалось никому. И, пожалуй, единственным исключением является то, что Центральный банк России смог существенным образом модернизировать свою денежную политику, чего ему не удавалось на протяжении предыдущих 15 лет. Таким образом, колебания

курса рубля – это процесс естественный, не вредный и не особенно предсказуемый. Не особенно предсказуемый именно потому, что денежные власти России, не хотят, чтобы он был предсказуемым, хотя имеют достаточные ресурсы для того, чтобы он был предсказуемый. С технической точки зрения курс рубля находится в тесной связи с колебаниями цен на нефть. Если кто-то хочет заниматься предсказанием курса рубля, надо заняться предсказанием цен на нефть. А как часто говорил Егор Гайдар: "Предсказание цен на нефть крайне опасно для профессиональной репутации любого серьезного экономиста".

Татьяна, Москва:

Владимир Александрович, здравствуйте! Скажите, пожалуйста, считаете ли вы, сможет ли РФ перейти на другую экономическую модель развития, не зависящую от цен на нефть/газ и каким образом, учитывая освобождение от должности Алексея Кудрина? с уважением, студентка РАНХиГС, Татьяна.

Владимир Мау :

Действительно одно из важнейших задач Алексея Кудрина как Министра финансов было ослабление зависимости России от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры теми методами, какими Министр финансов может на этот процесс воздействовать. С учетом опыта 70-80-х годов, приведших к краху Советского Союза, Министр финансов равно как и тогдашний Президент Владимир Путин считали, что незаработанные деньги должны изыматься из экономики, чтобы она, экономика, развивалась вне подстройки под высокую конъюнктуру. Еще раз повторю, крах Советского Союза был в значительной мере связан с тем, что тогда все доходы от высокой нефтяной конъюнктуры тратились в текущем бюджете, а когда цена на нефть упала, не было ни финансовой возможности компенсировать это падение цен из каких-либо ресурсов, ни политической возможности так сократить расходы, чтобы восстановить сбалансированность бюджета. Простых решений для освобождения от нефтяной зависимости не существует. Недаром многие экономисты называют обилие нефтегазовых ресурсов ресурсным проклятием. Истории хорошо известны примеры, когда крупнейшие мировые державы рушились из-за притока незаработанных денег, когда выяснялось, что можно покупать все товары во вне, ничего не производя, но воюя со всеми. Первый пример нового времени – это Испания

16-го века, которая вступила в 16-й век с самой сильной армией, а к концу века сильно разорилась по причине притока золота и серебра из Америки. Задача обеспечения устойчивого экономического роста в условиях значительного притока ренты и колебаний рентовых доходов является исключительно сложной. Кстати, она является одним из факторов колебания рубля. В рентных экономиках национальная валюта всегда сильно колеблется. Поэтому я бы сказал так, что та стратегия до 2020 года, над которой мы сейчас работаем, предполагает мер институционального и финансового характера, которые позволили бы ослабить зависимость российского развития от сырьевых ресурсов. Но задача эта очень длинная, она требует много времени и очень сложная политически. Другое дело, что и будет просто решить, если спрос на нефть и газ устойчиво упадет и российская политическая элита поймет, что больше притока нефтедолларов не будет. Это будет очень болезненное решение, но простое.

Barboss, На Неве:

Какие уязвимости текущей парадигмы глобального мирового экономического устройства привели к кризису?

Владимир Мау :

К кризису всегда приводит экономический рост. Это очень просто. И чем мощнее экономический рост, тем тяжелее кризис. В этом смысле если бы Barboss спросил меня, что нужно делать, чтобы впредь не происходило экономических кризисов, то ответ был бы очень простой – отказаться от экономического роста. До 18 века не было экономического роста, не было и экономических кризисов. То есть кризисы бывали, но они были связаны с чумой или войной или с природными катаклизмами. В этом смысле кризис является естественным элементом экономического роста и каждый новый крупный кризис, естественно, порождается новыми причинами, потому что экономисты и политики обычно оказываются достаточно умны, чтобы не допустить кризис прежнего сценария, уже известного, но никогда не могут предсказать характер будущего кризиса, это объективно невозможно. Если Barboss задает вопрос, связанный с тем, что не является ли кризис результатом изъянов либеральной модели или процессов дерегулирования рынка, которые были характерны, начиная с рубежа 70-80 годов, когда мир перешел от кензианской дережисткой парадигмы к либеральной, то это

справедливо лишь в том смысле, что либеральная парадигма стала причиной беспрецедентного экономического роста последних 20 лет. Но именно беспрецедентный рост стал причиной беспрецедентного кризиса. Если говорить более конкретно о факторах парадигмы, приведшей к кризису, то я бы осторожно сказал, что, по-видимому, основные причины кризиса, те диспропорции, которые обусловили кризис, связаны с тем, что глобальный рынок, который стал глобальным за последние 20 лет, не привел пока к созданию глобальных механизмов регулирования. То есть за период бурного роста рынок стал глобальным и это и стало, кстати, одной из причин этого бурного роста, но регулирование основных экономических процессов оставалось национальным. В этом и состоит коренная институциональная структурная причина этого кризиса. Это же можно проиллюстрировать на европейском примере. Мы понимаем, что центр второй волны кризиса находится в Европе, и основная причина аналогична глобальной. Европа пошла на беспрецедентные меры по созданию денежного союза, то есть единой валюты, не компенсировав это фискальным, то есть бюджетным союзом. Мы получили огромный рынок, близкий к глобальному, европейский рынок, без достаточно скоординированной бюджетной политики, что обусловило нынешний виток кризиса. Таким образом, подводя итоги, надо сказать, что, по-видимому, из нынешнего глобального кризиса, который продлится, по-видимому, десятилетия, мир должен будет выйти с новыми институтами и инструментами и регулируемой глобальной экономической жизнью. Когда я говорю регулируемой, не надо это в данном случае понимать вульгарно, как создание государственного или надгосударственного центра, указывающего экономическим агентам, что им делать. Глобальное регулирование предполагает выработку глобальных правил игры для действия основных участников глобального рынка - фирм, банков, правительств.

Редичкин Алексей, "РИА Новости", Москва:

Несмотря на высокую цену на энергоносители в российской экономике наблюдается отток капитала, что не так давно подтвердил заместитель директора департамента финансовой стабильности ЦБ Сергей Моисеев. С чем это связано? Как можно увеличить инвестиционную привлекательность российской экономики?

Владимир Мау :

Отток капитала является результатом взаимодействия группы факторов. Главными здесь в краткосрочном плане являются глобальные процессы. В условиях кризиса капитал уходит в наименее рискованные активы, а ими продолжают оставаться американские активы, активы США, даже снижение инвестиционного рейтинга не делает их более рискованными по отношению к другим странам, все равно по отношению к другим странам они остаются менее рискованными, какой бы рейтинг им не присваивали рейтинговые агентства. В этом отношении отток капитала является естественным процессом, от нашей политики практически независимым. Однако есть и серьезные факторы, связанные с инвестиционным климатом внутри страны, с готовностью международного, в том числе российского бизнеса инвестировать в Россию. В данном случае мы говорим не столько о портфельных деньгах, сколько о прямых инвестициях. И в этом отношении инвестиционный климат России весьма неблагоприятен, что признается практически всеми экономистами и политическим руководством страны. Это видно по международным рейтингам. И это является, конечно, важнейшей уязвимой точкой российской экономики. В этом смысле если говорить о том, как прежде всего надо воспользоваться кризисом для улучшения ситуации, то это, конечно, улучшением внутреннего делового климата, предпринимательской среды. У России есть фундаментальная проблема, которая является, наверное, наиболее сложной для решения, у России довольно дорогой труд и довольно плохие институты. Обычно в странах или плохие институты и дешевый труд, как Китай, Индия, и туда идет капитал, чтобы получить высокую прибыль, или хорошие институты и дорогой труд, как, например, в Европе и Северной Америке, и туда идет капитал, чтобы получить надежность, гарантии и стабильность. Ситуации плохих институтов и дорогого труда является главной структурной ловушкой нашей экономики. И на самом деле, может быть, вторым основным вызовом, который надо решать в стратегии. Вторым это после ответа на вопрос о ресурсной зависимости. Естественно, эти обе проблемы взаимосвязаны, по большому счету это две стороны одной и той же проблемы.

Константин:

Какие отрасли экономики России пострадают больше всего от текущего кризиса, и в каких областях можно рассчитывать на ускоренное развитие?

Владимир Мау :

В современной экономике надо анализировать не отрасли, а предприятия, в отличие от экономики 19 и 20 века, где были передовые и отсталые отрасли, сейчас очень многое зависит от менеджмента и предпринимательского таланта. Я бы не взял на себя ответственность сказать, кто больше пострадает, а кто будет развиваться ускоренно. Это возможно в любой отрасли, если предприниматели и менеджмент будут принимать правильные долгосрочные решения. А что это такое – в этом состоит талант предпринимателя-управленца. А в той мере, в какой этому таланту можно научить, таланту обучить нельзя, но его можно ограничить. В той мере, в какой можно на это повлиять, чтобы быть успешным, этому учат на многочисленных программах Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Здесь учат, как студентов после школы, так и людей с управленческим и предпринимательским опытом.

Дугар Гармаевич (газета "Экономика и жизнь"), Москва:

Владимир Александрович, мои вопросы касаются микроэкономики, поэтому отвечать на них совсем необязательно. Возможно ли реальное изменение межбюджетных отношений по результатам заканчивающейся 1 декабря работы двух рабочих групп под руководством двух вице-премьеров? Если нет, то почему? Если да, то что можно ожидать?

Владимир Мау :

Во-первых, это не микроэкономика, а макроэкономика. Во-вторых, 1 декабря еще не наступило. И я пока не знаю результатов. Мы вовлечены, Академия и ряд других экспертов активно работают в этих группах. Очень важным элементом этой работы является особое внимание, которое уделяется финансам на муниципальном уровне. У нас обычно межбюджетные отношения сводят между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов Федерации. Между тем, муниципальный уровень имеет ключевое значение с точки зрения формирования и предпринимательской, и интеллектуальной среды в российском обществе. И, на мой взгляд, именно этому уровню надо уделить принципиальное внимание в ближайшие годы. Кстати, именно этому

в значительной мере посвящен соответствующий раздел "Стратегии" до 2020 года. Это очень хороший раздел, советую интересующимся его посмотреть.

Редичкин Алексей, "РИА Новости":

Эксперты в один голос твердят о надвигающемся втором витке кризиса и рецессии мировой экономики, по Вашим прогнозам как вторая волна кризиса скажется на экономике РФ и насколько реальны пессимистичные сценарии развития, недавно представленные Минэкономразвития?

Владимир Мау :

Все сценарии, которые представляет Минэкономразвития, реальны. Меня в этих вопросах всегда удивляет "все говорят о приближающемся витке кризиса", хотя, по-моему, он давно идет. Может быть, кризис формально связывают с рецессией, которой нет – темпы роста падают, капитал бежит, но поскольку ВВП пока не сокращаются, видимо, может быть по этому говорят, что кризис приближается. Я хочу напомнить, что начало кризиса не было связано с рецессией. Рецессия была, но она была гораздо позже, в 2009 году. И выход из рецессии не означал выхода из кризиса, мы это постоянно повторяли. Кризис продолжается, это кризис не перепроизводства, о котором можно прочитать в стандартных учебниках, это структурный кризис, который связан с накоплением существенных глобальных диспропорций, преодоление которых потребует ряда лет, примерно десятилетие, во всяком случае так же было в 30-е и 70-е годы 20 века. Конечно, кризис это время очень болезненное, но с точки зрения влияния на российскую экономику, я еще раз хочу повторить, что глупо было бы им не воспользоваться для реального запуска модернизационных процессов. Потому что когда у вас очень много денег, модернизацию осуществлять практически невозможно. Модернизация происходит тогда, когда деньги надо заместить интеллектуальным ресурсом. И если он есть, то кризис не пропадает впустую.

Дугар Гармаевич (газета "Экономика и жизнь"), Москва:

Чего лично вы ждёте от также заканчивающейся работы 21 экспертной группы по "Стратегии 2020" как Учёный, а не как руководитель одной из

групп? И в этом случае хочется знать ваше мнение о перспективах муниципальной экономики и муниципальных финансов. Спасибо! С уважением, Дугар Санжиев (газета "Экономика и жизнь").

Владимир Мау :

На вторую часть я, по-моему, ответил, заговорив о муниципальной экономике. На мой взгляд, на сегодня это ключевая проблема территориального развития России, более важная, чем взаимоотношения Федерации и субъектов. От экспертной нашей работы я жду нового знания. Кризис, еще раз скажу, интересен тем, что он ставит новые вопросы. Кризис - это прежде всего интеллектуальный вызов. Пять лет назад казалось, что мы все знаем про экономику и ничего нового придумать нельзя. Сейчас мы понимаем, как много мы не знаем, и прежде всего работа над стратегией должна дать и уже дает очень серьезные интеллектуальные приращения в осмыслении тех процессов, которые сейчас происходят в мире, в России, и как решать те задачи, которые ставятся перед страной. Я понимаю, что здесь возможен более развернутый ответ, но он требует обсуждения тех 600 страниц, которые уже есть в рамках "Стратегии".

Валерий, Москва:

Не пора ли признать эксперимент (20 летнее издевательство над страной) неудачным и обратить взоры на то, что и как происходит в Китае?

Владимир Мау :

Обратить взоры можно. И все мы не раз обращали взоры на Китай. Меня удивляет, почему лет речь идет о 20-летнем издевательстве, а не о 70-летнем. Но это вопрос политический. Конкретно про Китай. Я боюсь, что издеательства следования по китайскому пути страна бы никак не выдержала. Следование китайскому опыту предполагает отказ от пенсионного обеспечения населения, от бесплатного образования и от государственной медицины. Я хочу напомнить, что в Китае, как и в России 20-30 годов, пенсии назначаются довольно узкому слою городских рабочих. Если кто-то думает, что в Советском Союзе пенсии платили всем, то они платились всем только с середины 60-х годов. И соответственно с

образованием и медициной. Это базовые социальные предпосылки, которые обеспечивают тот уровень сбережений, который есть в Китае. Если вы не можете рассчитывать на государство, то вы естественно сберегаете деньги. Я не думаю, что это было бы возможным, я не думаю, что российское общество приняло бы полное уничтожение социального государства и возврат к ситуации 20-х годов. Если вопрос о том, почему бы не сохранить политическую диктатуру коммунистической партии и в этом смысле обеспечить реформы, дело в том, что коммунистическая партия исчерпала свои реформаторские способности к концу 80-х годов. А советское общество было преимущественно городским и образованным, в отличие от Китая, где на начало реформ подавляющая часть населения жила в деревне и не имела образование. А городское образованное общество, как правило, не хочет терпеть марзматическую диктатуру одной партии.

Редичкин Алексей "РИА Новости", Москва:

Учитывает ли обновление "Стратегии" возможную рецессию? Было анонсировано, что в сентябре группы представят промежуточный доклад по итогам работы над обновлением "Стратегии 2020", когда это будет сделано? В какой степени готовности находятся предложения по обновлению "Стратегии".

Владимир Мау :

Информация и поручение было не в сентябре, а в августе. К 5 августа был представлен промежуточный доклад, кстати, у нас не было обязательств его опубликовать, было обязательство представить его в Правительство. Но в общем, как водится в свободной стране, наша пресса нашла версии, близкие к представленной в Правительстве, и опубликовала их на сайтах ряда московских газет. После этого началась интенсивная работа с министрами и другими заинтересованными лицами по обсуждению стратегии. Она идет уже на протяжении полутора месяцев. Это важно подчеркнуть, что идет обсуждение стратегии, а не согласование стратегии с министерствами. Но, поскольку у нас министры и высокопоставленные чиновники в Правительстве являются, как правило, не только министрами и чиновниками, но и весьма квалифицированными экспертами по своей предыдущей деятельности, то обсуждение стратегии является интересным и

профессиональным. Параллельно идет доработка отдельных положений стратегии с учетом мнения министерств и ведомств.

Алина:

Как Вы считаете, станет ли политика экономическая политика РФ более рискованной? Кто на ваш взгляд может занять место Министра финансов?

Владимир Мау :

Кто будет Министром финансов я не знаю. Конечно, личность Министра финансов имеет очень большое значение в нашей стране. Наиболее успешной российская экономическая политика в стране была, когда она была наиболее консервативной. Это было при Министрах финансов Бунге, Витте и Коковцове. Коковцов был Министром финансов с 1906 по 1914 год, причем с 1911 он совмещал должность Премьер-министра с должностью Министра финансов, что не имело прецедентов ни до, ни после. Это был наиболее успешный период в экономическом развитии страны. При этом что Министра финансов постоянно упрекали в том, что он бухгалтер, не хочет давать бюджетные деньги на экономический рост, а копит их на черный день.

Андрей:

В последнее время постоянно говорили о необходимости повышения пенсионного возраста в РФ. Как Вы считаете, возрастет ли вероятность такой меры в связи с сегодняшней экономической ситуацией?

Владимир Мау :

В связи с экономической ситуацией не возрастет. Мне кажется, проблему пенсионного возраста очень сильно драматизируют. У нас, в данном случае в развитых странах, есть серьезные структурные проблемы, связанные с пенсионной системой. Наша пенсионная система была по сути сформирована Бисмарком в 1889 году. И была предложена для страны, в которой государственные пенсии получает узкий слой промышленных рабочих. При этом большинство населения пенсии не получают. Причем пенсионный

возраст сильно превышает среднюю продолжительность жизни. Продолжительность жизни была 45 лет, а пенсионный возраст 75 лет. Кстати, когда современную модель, которая по сути не изменилась, вводило советское правительство в середине 30-х, это касалось только городских жителей, которых было меньшинство, при средней продолжительности жизни чуть больше 45 лет, 47-48 лет, при пенсионном возрасте в 60 лет. Естественно, когда у вас пенсионный возраст оказывается сильно ниже средней продолжительности жизни, то у вас наступает кризис. В этом смысле эта бюджетная модель пенсионной системы уместна для современного Китая, еще более уместна для Африки, но не для современно развитой страны. Отсюда возникают дискуссии о пенсионной реформе, не только у нас, но и во всех развитых странах. И вопрос возраста это только один, и на мой взгляд не самый главный. У нас есть более серьезные вопросы, чем проблемы возраста. В ближайшие годы будут предъявлять пенсионные требования люди из поколения, где было много фрилансеров. Я хочу напомнить, что в отличие от Советского Союза, у нас сейчас нет уголовного наказания за отсутствие места работы. В этом смысле у нас бы Бродского сейчас за тунеядство не посадили. Но это значит, что у нас очень много людей, которые на протяжении большей части своей трудовой деятельности не платили пенсионные отчисления. Они должны получать пенсию? Насколько это справедливо и насколько это финансово уместно? Это один вопрос. Другой вопрос – в какой мере уход на пенсию влияет на резкое снижение уровня жизни тех людей, которые уходят. В принципе можно пенсионный возраст установив и в 50 лет, но сказав, что пенсия будет не более 5% от вашей зарплаты. Устроит ли кого это? Вопрос не в возрасте, вопрос – где взять деньги, чтобы, уходя на пенсию, человек не оказывался бы немедленно нищим. И это вопрос не возраста, это вопрос другой организации пенсионной системы. Как это сделать? Об этом одна из версий изложена в "Стратегии до 2020 года", в "Стратегии" этот раздел тоже весьма и весьма интересен. Мы же обсуждаем не промышленного рабочего начала 20 века, который с трудом почему-то дожил до пенсионного возраста и дальше почему-то физически не может работать, мы обсуждаем общество, где как минимум половина людей или категорически не хочет уходить на пенсию, вроде профессоров многочисленных вузов, или уйдет на пенсию, когда само этого захочет, например, предприниматели. Нельзя мерить общество, реально становящееся постиндустриальным, с другой структурой населения, занятости, потребительских предпочтений, с обществом, которое трансформируется из аграрное в индустриальное, каким была Германия в конце 19 века, а Советский Союз в первой половине 20-го.

Максим, Москва:

Каково будущее Таможенного союза? Есть ли сейчас объективные причины для его расширения, и почему Украина сопротивляется вступлению в эту организацию? Заранее благодарен за ответ!

Владимир Мау :

Таможенный союз состоялся, и это хорошо. В условиях 21 века глобальной экономики это важное направление, которое позволяет расширять рынок. Я бы ждал от Таможенного союза для России не только более широкого рынка для российских товаропроизводителей, но и реальной конкуренции юрисдикции, когда бизнес может выбирать, в каком государстве Таможенного союза ему лучше зарегистрироваться. Украинское общество расколото, как и украинская политическая элита, поэтому Украине и трудно принять решение относительно Таможенного союза, потому что в краткосрочном плане это реальная альтернатива ЕС или Таможенный союз, поскольку часть украинской политической элиты считает, что вступление в ЕС в какой-то мере вероятно, то они делают выбор в пользу европейского сообщества, соответственным образом тормозя движение к Таможенному союзу. Это не вопрос экономической независимости Украины, это вопрос выбора того или иного общего рынка.

Антон , Самара:

Есть ли на Ваш взгляд будущее у Еврозоны? Сможет ли Европа вытащить Грецию из кризиса, и в чём причина таких экономических трудностей?

Владимир Мау :

Сейчас действительно момент очень важного выбора, когда формировалась Еврозона, многие экономисты сомневались, возможен ли монетарный союз при отсутствии фискального союза. Собственно кризис показал, что европейская интеграция, для того чтобы сохраняться, должна развиваться. Очень важно, что это именно кризис в Еврозоне, а не тупик евроинтеграции. Из тупика можно выбраться только двигаясь назад, а из кризиса выбираются

обычно двигаясь вперед. Поэтому сейчас, обсуждая проблемы перспектив Евросоюза, надо видеть две проблемы, логически взаимосвязанные. Одна – как спасти Грецию. Это в общем технически возможно, но проблема наталкивается на политические проблемы тех, кто должен собственно спасти Грецию. Зачем? За что? И в этом смысле, конечно, наиболее разумным, хотя политически вряд ли проходимым решением была бы отработка на примере Греции выхода за рамки бюджетного суверенитета, то есть отказ Греции от бюджетного суверенитета и передача бюджетных решений на национальный уровень. С точки зрения стратегии Евросоюза это был бы очень сильный ход, поскольку стал бы шагом Еврозоны в направлении бюджетной интеграции (фискального союза), и это дало бы ответ немецким налогоплательщикам, почему они должны платить за особенности национальной культуры греков.

Алексей:

Как вы считаете, будет ли вступление России в ВТО положительным толчком для нашей экономики?

Владимир Мау :

Вступление в ВТО было бы полезно для российской экономики, но никаким толчком оно бы не стало. Просто потому, что никаких радикальных изменений в торговом режиме это бы не привнесло. У нас достаточно либеральный торговый режим, его можно и нужно еще более либерализовать, но, повторяю, присоединение к ВТО не несет в себе никаких драматических решений. Стратегически, а это очень важно с точки зрения стимулирования российского несырьевого экспорта, а также перспектив формирования общего экономического пространства с Европой.

Мария:

Сможет ли Россия выйти на сбалансированный бюджет в ближайшее время? Как Вы оцениваете существующий бюджетный дефицит в 2011 году?

Владимир Мау :

В 2011 году удалось его свести почти к нулю. Проблема не в номинальном дефиците. Проблема в том, что наш бюджетный баланс слишком сильно зависит от факторов, неконтролируемых российским Правительством и российским обществом. Ненефтяной дефицит составляет порядка 13% ВВП. Реальные цены на нефть с поправкой на инфляцию находятся на уровне 70-80 годов. Тогда через несколько лет произошло шестикратное падение цен на нефть. Никто не может гарантировать, что это не повторится в той или иной форме. Поэтому здесь важны не номинальные цифры бюджета, а уязвимость перед внешними шоками. Потому что формально макроэкономические параметры России очень хорошие. Большинство стран мира о них может только мечтать. Но есть риски. И это опасно.

Дмитрий:

Какие меры стоит предпринять сегодня России, чтобы стабилизировать экономику?

Владимир Мау :

Нестабильна мировая экономка. А российская экономика достаточно стабильна. Мы не довольны темпами роста, но было бы странно ожидать, что при сокращении темпов роста в мире российские почему-то росли. Они естественно сокращаются со снижением мировой конъюнктуры. Государственный долг низок. Инфляция в общем в контролируемых параметрах. Колебания рубля, как мы в самом начале говорили, это результат определенной политики Центрального банка. В общем для России основная проблема не как стабилизировать экономику, а как решать задачи структурной модернизации. И это очень такое своеобразное положение, потому что для большинства развитых стран задача состоит именно в стабилизации и структурной модернизации. В этом смысле Европа и отчасти США сейчас очень напоминают Россию рубежа конца 70-х начала 80-х годов, когда стояла задача и обеспечения макроэкономической стабильности и структурной модернизации.

Завершающее слово Владимира Мау: Дорогие друзья, спасибо большое за вопросы. Хочу извиниться за иногда избыточно длинные ответы, но это

отражение качества вопросов. Вопросы были очень интересные для меня, и я буду рад продолжению такого рода общению. Спасибо.